

УДК 343.81(470.323)“1941-1943”

СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ БОГДАНОВ,

доктор исторических наук,

профессор кафедры административного права и процесса,

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

г. Белгород, Российская Федерация,

e-mail: dr.bogdanov_sv@mail.ru

ГОРОДСКИЕ И ОКРУЖНЫЕ ТЮРЬМЫ В СИСТЕМЕ НЕМЕЦКОГО «НОВОГО ПОРЯДКА» НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941–1943 ГОДАХ: ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ, ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ, ОБСЛУЖИВАЮЩИЙ ПЕРСОНАЛ

Для цитирования

Богданов, С. В. Городские и окружные тюрьмы в системе немецкого «нового порядка» на оккупированной территории Курской области в 1941–1943 годах: предназначение, особенности функционирования, обслуживающий персонал / С. В. Богданов // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 3. – С. 269–275.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности установления немецкого оккупационного режима на территории Курской области в 1941–1943 гг. Особое внимание уделяется месту и роли городских и окружных тюрем в насаждении немецкого «нового порядка». Статья основывается на материалах архивно-уголовных дел бывших начальников городских, районных полиций, старших следователей, начальников и служащих тюремных учреждений, созданных по распоряжению немецких оккупационных властей на территории Курской области, а также на разведывательно-агентурных донесениях и сводках, поступавших в советские органы государственной безопасности в годы войны. Данные материалы были извлечены из фондов территориальных управлений ФСБ России по Курской и Белгородской областям. На данных документах до недавнего времени стоял гриф секретности, поэтому они были недоступны широкой научной общественности. Анализ делопроизводственной документации коллаборационистских органов гражданского управления (городских и районных управ), городских и районных русских вспомогательных полицейских органов, жандармерий, тюрем позволил выявить численность их служащих, особенности несения ими службы, списки советских граждан, содержащихся в этих учреждениях. Архивно-уголовные дела бывших руководителей, служащих русской вспомогательной полиции жандармерии, тайной полевой полиции дополнили картину деятельности тюремных учреждений, созданных немецкими оккупационными властями на территории Курской области. Установлено, что основными задачами, поставленными перед руководством профашистских тюрем, являлись содержание в изоляции советских граждан, по-

дозревавшихся в антифашистской деятельности, задержанных подозрительных лиц и нарушителей установленного режима оккупационной зоны, поддержание внутреннего распорядка. Особое место среди функций руководителей профашистских тюрем занимала вербовка личных информаторов среди лиц, находившихся в тюрьме, для выявления ими граждан, связанных с подпольем, партизанским движением. Выяснено, что особый тюремный режим был предназначен для осуществления мощного психологического воздействия на советских граждан и что при отборе служащих городских и окружных тюрем на оккупированных немецкими войсками территориях основными критериями были ненависть к советскому строю и принадлежность к социальным группам, репрессированным советской властью в довоенные годы. Статья адресована всем интересующимся историей пенитенциарной системы нашей страны.

Ключевые слова: немецкий оккупационный режим, городские и окружные тюрьмы, пытки, истязания, практика заложничества, тотальный террор, Курская область.

Забвение своего собственного прошлого неизбежно приводит к его повторению. Не менее опасным является искажение событий национальной истории. Оно способствует экспоненциальному росту правового нигилизма, усилению недоверия к властным институтам, накоплению разрушительного потенциала внутри общества. Пересмотр многих страниц исторического прошлого страны, который активно начался еще в годы перестройки, сыграл не последнюю роль в возникновении глубокого морально-психологического кризиса и духовной деградации современного российского социума.

Одно из явлений, которое продолжает вызывать различные интерпретации, – коллаборационизм – добровольное сотрудничество отдельных советских граждан с немецкими захватчиками в годы Великой Отечественной войны. В работах некоторых авторов это явление приобрело практически героические черты «сопротивления сталинскому режиму», «борьбы с тоталитарным террором», «движения за возрождение России без большевизма» и т. д. [1; 3, с. 29–31; 6]. Однако серьезный научный анализ событий, происходивших на оккупированной немецкими войсками территории СССР, позволяет усомниться в объективности доводов защитников коллаборационистов.

В качестве территориальных границ исследования выбрана Курская область в связи с ее принципиальным значением для реализации стратегических планов немецкого командования по продвижению к Москве осенью 1941 г.

Несмотря на то что в последние годы в работах отдельных специалистов [4, 5, 7] был сделан значительный шаг вперед в изучении особенностей функционирования фашистского оккупационного режима на территории Курской области, многочисленные вопросы продолжают оставаться неисследованными. Одним из них является организация и функционирование тюремной системы, созданной немецкими властями на территории оккупированных районов Курской области в 1941–1943 гг.

Малочисленность как отечественных, так и зарубежных научных публикаций, специально посвященных вопросам организации и функционирования тюремной системы на оккупированной немецкими войсками территории СССР, объясняется, прежде всего, узостью источниковой базы. Дело в том, что основной массив информации о жизни советских граждан на захваченной фашистской Германией территории сосредоточен в архивах территориальных управлений Федеральной службы безопасности Российской

Федерации (ФСБ России), которые до недавнего времени были абсолютно закрыты для гражданских специалистов.

Наибольший интерес представляли две группы документов, извлеченных из архивов УФСБ России по Курской области и УФСБ России по Белгородской области. Первая группа – это разведывательные сводки, бюллетени, агентурные сообщения, поступавшие в 4-е Управление Народного комиссариата внутренних дел (УНКВД) по Курской области. Это довольно обширный перечень документов, в которых отражались различные аспекты оккупационного режима, в том числе информация о создании и деятельности на территории Курской области лагерей для советских военнопленных. Информация о городских и окружных тюрьмах, созданных германскими оккупационными властями после оставления частями Красной Армии территории Курской области, была представлена слабо и эпизодически.

Вторая группа документов, также находившихся на хранении в ведомственных архивах органов государственной безопасности России, представлена более значительными и по объемам, и по информативной емкости материалами – архивно-уголовными делами активных пособников немецких оккупантов из числа советских граждан, бывших начальников городских и районных полиций, старших следователей, руководителей городских и окружных тюрем, охранников и надзирателей этих профашистских учреждений.

Вторжение фашистской Германии в СССР сопровождалось огромной пропагандистской кампанией, осуществляемой гигантским идеологическим аппаратом нацистов. Одним из тезисов развязанной ведомством Геббельса психологической войны являлось обоснование «гуманной цели» Третьего рейха на «варварском Востоке» – утверждение немецкого «нового порядка».

Под немецким «новым порядком» понималась система социально-экономических установлений и законодательных предписаний, насаждаемых германскими захватчиками на оккупированной советской территории. Этот термин был наполнен вполне конкретным содержанием для гражданского населения, которое по тем или иным причинам не смогло эвакуироваться в тыловые районы СССР. Стержнем насаждаемого порядка являлось неукоснительное подчинение установлениям немецких оккупационных властей и органов гражданского управления, сформированных захватчиками из числа местных жителей, изъявивших желание перейти на сторону гитлеровской Германии.

Сам факт огромной территории европейской части Советского Союза, которая в достаточной сжатые сроки была захвачена стремительно продвигавшимися вглубь СССР немецкими войсками и их союзниками, поставил перед оккупационными властями целый ряд проблем, среди которых основными стали обеспечение безопасности тыловых частей вермахта и подавление любых проявлений антифашистской деятельности и партизанского движения. Единственным средством утверждения немецкого «нового порядка» на оккупированной территории Курской области являлась система всеохватывающего террора в отношении местных жителей.

Согласно планам немецкого командования большую роль в деле утверждения и поддержания немецкого оккупационного режима на территории Курской области должны были сыграть городские и окружные тюрьмы, которые начали открываться после вступления немецких оккупантов на территорию Курской области.

Уже в начале ноября 1941 г. в Курскую тюрьму № 1, располагавшуюся за так называемыми Херсонскими воротами, немцы начали отправлять первых узников и заложников. Начальником Курской тюрьмы был назначен бывший служащий царской полиции Новиков. Как свидетельствовали многочисленные документы, он неоднократно лично

участвовал в расстрелах узников Курской тюрьмы, арестованных только за то, что они были отнесены оккупационными властями к «неблагонадежным элементам» (члены ВКП(б), РКСМ, руководители государственных учреждений).

Для практической реализации системы террора на территории города Белгорода оккупанты создали два специальных учреждения: лагерь для военнопленных, который действовал в первоначальный период оккупации города, и тюрьму, которая функционировала вплоть до освобождения города Советской Армией в августе 1943 г.

Белгородская тюрьма была размещена в специально переоборудованном под эти цели здании бывшего городского аптечного управления. Тюрьма местными жителями была прозвана «кацетом» (концлагерем). Начальником тюрьмы немецкими оккупационными властями был назначен бывший офицер царской армии А. С. Яновский. Вот, что по этому поводу показал бывший служащий Белгородской городской вспомогательной полиции И. А. Четвериков: «Яновский А. С. на должность начальника тюрьмы был назначен представителем немецкого разведывательного и контрразведывательного органа «1-Ц» офицером Штарком Константином Константиновичем, причем познакомил меня с Яновским этот самый Штарк при следующих обстоятельствах: как-то в декабре 1941 г. я зашел в кабинет Штарка, у которого в это время был Яновский и Помазанов. Представив мне Яновского, Штарк сказал: «Это наш начальник тюрьмы». Когда Яновский ушел от Штарка, Штарк мне рассказывал, что Яновский – бывший царский офицер, что это преданный немцам человек» (Архив УФСБ России по Белгородской области. Ф. 12. Д. 11183. Т. 8. Л. 29).

Как начальник городской тюрьмы А. С. Яновский находился в непосредственном подчинении у начальника Белгородской городской полиции С. Н. Беланова и гражданского коменданта К. К. Штарка. А. С. Яновский ведал вопросами размещения арестованных, организацией снабжения. Находясь на должности начальника тюрьмы, он принимал в тюрьму арестованных, следил за поддержанием установленного в тюрьме режима, вызывал на допросы, подготавливал арестованных к отправке на казнь.

Охрана тюрьмы и камер с заключенными осуществлялась городской полицией, которая для этой цели выделяла ежедневно наряды, подчиненные начальнику полиции. Список арестованных велся в полиции, прием и перемещение арестованных производились только распоряжением начальника полиции и его помощника. За выполнение распорядка отвечал лично начальник охраны.

В тюрьме в период с конца 1941 г. до середины февраля 1943 г., то есть во время работы начальником этого учреждения А. С. Яновского, содержались коммунисты, советские активисты, лица еврейской национальности, большинство из которых было вывезено и уничтожено (Архив УФСБ России по Белгородской области. Ф. 12. Д. 11183. Т. 8. Л. 15).

В начале июня 1942 г. К. Штарк уехал из города Белгорода, после чего тюрьма полностью перешла в ведение немецкой ортскомендатуры. Последняя освободила от работы персонал тюрьмы, поставленный К. Штарком, и перестала пользоваться для охраны тюрьмы полицейскими Белгородской городской полиции. Охрану тюрьмы стал нести так называемый Шуцманшафт (Schutzmannschaft der Ordnungspolizei – вспомогательная служба полиции порядка), взвод, созданный немецкими оккупационными войсками и подчиненный немецкой фельджандармерии. Таким образом, до июня 1942 г. тюрьма охранялась полицейскими Белгородской городской полиции, а с июня 1942 г. – Шуцманшафтом.

Организованные немецкими оккупационными властями на территории Курской области тюрьмы также были предназначены не только для того, чтобы в ней содержались

задержанные советские граждане, но и для того, чтобы оказывать мощное физическое и психологическое воздействие на пребывавших там граждан.

Из письменных показаний бывшего узника тюрьмы Д. В. Почернина: «После жутких пыток и издевательств арестованным зачитывались смертные приговоры, через повешивание, сожжение и расстрел, и уводили на казнь. Виселицы находились недалеко от здания бывшей аптеки № 8 на базарной площади. Так были зверски повешены: Виноградская Елена, 1912 года рождения, Лисицкий Иван Егорович, 1897 года рождения, Фашинзон Наум Н., 1908 года рождения, Черноусов Иван Федорович, 40 лет, Погорельцев Иван Григорьевич, 40 лет и ряд других. Всего по неполным данным повешено около 120 человек. Из них по городу 21 человек, а остальные фамилии неизвестны. Оккупанты саму процедуру казни сделали публичной, а горожане обязаны были присутствовать на ней. О предстоящем повешении жители Белгорода оповещались через старост...

Повешенных не разрешали убирать с виселицы по несколько суток, и этим самым фашистские палачи хотели запугать население города. Повешенных фотографировали, и фотоснимки показывали на допросе, говоря: „Так может и с тобой произойти“» (Архив УФСБ России по Белгородской области. Ф. 12. Д. 11183. Т. 8. Л. 109).

Применение мер физического насилия в совокупности с психологическим подавлением личности использовалось повсеместно. Так, с помещенных в Грайворонскую тюрьму местных граждан, состоявших в довоенные годы на учете в местном отделении ВКП(б), при помощи этих методов выбивали письменное согласие на сотрудничество с немецкими властями, а также обязательство не помогать партизанам (Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2910. Л. 193, 198–199).

Окружная тюрьма в городе Валуйки, одном из крупных районных центров Курской области и важнейшем железнодорожном узле, была создана сразу после захвата этого населенного пункта немецкими войсками. Сам статус окружной тюрьмы предполагал то, что здесь должны были содержаться задержанные органами полиции лица по подозрению в связях с партизанами и антифашистской деятельности и доставленные из близлежащих районов.

Арестованные содержались в антисанитарных условиях, спали на гнилой соломе. Горячая пища выдавалась очень редко, также и хлеб. Вследствие этого они питались сырой свеклой, отчего распространялись желудочные заболевания и вшивость. Имели случаи смерти арестованных при наличии таких условий. Умерли заключенный Осокин и один военнопленный, фамилия которого не была установлена. Содержавшиеся под стражей женщины систематически насиловались лицами из тюремной охраны (Архив УФСБ России по Белгородской области. Ф. 12. Оп. 1. Д. 13140. Т. 22. Л. 186–187).

Из свидетельских показаний Клевцова Д. К. от 1 ноября 1968 г.: «...летом 1942 г. начальник полиции Салосин, Курчевский, Чернокалов, Капустин и еще несколько незнакомых мне полицейских вывели меня и старика Бессонова Афанасия во двор тюрьмы в одном нижнем белье и заставили плясать. Салосин заиграл на губной гармошке. Напуганные истязаниями и боясь новых побоев, мы вынуждены были плясать, а присутствующие работники полиции смеялись и хлопали в ладоши» (ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2910. Т. 4. Л. 272).

Из показаний бывшего начальника окружной тюрьмы Г. Г. Яченко от 4 октября 1945 г.: «Будучи начальником тюрьмы в угоду немцам со своими подчиненными и полицейскими в тюрьме содержал несколько сот человек заключенных советских людей, поддержи-

вал такой режим в тюрьме, который нужен был немцам. Я, как начальник тюрьмы, непосредственно подчинялся начальнику Салосину, а потом начальнику полиции Елисееву, бургомистру района Руденко и начальнику гестапо – офицеру в чине обер-лейтенанта. Все распоряжения по тюрьме указанных лиц для меня были обязательными» (Архив УФСБ России по Белгородской области. АУД № 13132. Т. 4. Л. 266).

Из протокола допроса свидетеля Е. И. Лунышина от 29 октября 1968 г.: «...из разговоров среди арестованных, по рассказам самих полицейских тюрьмы, мы знали о том, что за городом в лесу происходят расстрелы арестованных советских граждан. Знали мы это и наблюдая ночные или вечерние вызовы к Курчевскому на допрос. Обычно если арестованного вызывали из камеры поздно вечером или ночью – значит, его увезут на расстрел. Обычно полицейские вызывали их сначала в кабинет к Курчевскому, затем такого арестованного отправляли в камеру, внизу, так называемую камеру смертников, а наутро или ночью их куда-то увозили и никто их больше не видел. ...мне из разговоров в тюрьме и среди полиции известно, что на расстрел отправляли лиц, на которых были хотя бы малейшие данные о связях с партизанами или оставлены в тылу с заданием. Когда путем допросов и затребования характеристик у старост таких сведений не было получено, некоторых арестованных выпускали» (Архив УФСБ России по Белгородской области. АУД № 13132. Т. 4. Л. 268).

Как свидетельствовал на одном из допросов бывший начальник Валуйской окружной тюрьмы Г. Г. Яченко, «постоянного штата полиции тюрьмы не было, а мне каждый день выделялся начальник полиции наряд в количестве от 7 до 15 человек. Конвоирование заключенных, в том числе и на расстрел, производили полицейские, которые находились при тюремном резерве. Расстрелы советских людей, содержащихся в тюрьме, происходили много раз. Были расстрелы в августе месяце, в сентябре, октябре, ноябре 1942 г., январе 1943 г. Сколько человек расстреляли, я точно сказать не могу, но знаю, расстреляны были сотни человек» (Архив УФСБ России по Белгородской области. Ф. 12. Оп. 1. Д. 13140. Т. 22. Л. 167).

Практически каждый день в Валуйскую окружную тюрьму приводили и привозили арестованных. Тюрьма была переполнена, поэтому за городом были созданы концлагеря, куда бросали сотни мирных жителей. Всего за время пребывания оккупантов в Валуйках было повешено, расстреляно и замучено немецкими оккупационными властями и их пособниками из числа местных коллаборационистов 1624 человека [2, с. 30].

На протяжении всего периода оккупации Курской области германскими войсками и их союзниками часто использовалось взятие гражданского населения в заложники. Так, по данным агентурной разведки, в городе Фатеж немцами был организован лагерь военнопленных, в котором содержалось до 500 человек, в числе которых были женщины с грудными детьми и старики. Заключенных кормили мясом павших лошадей (Архив УФСБ России по Курской области. Ф. 4-го отдела УНКВД. Д. 132. Л. 20).

Практика заложничества – аресты родственников, попавших под подозрение советских граждан, получила широкое распространение и в Валуйском районе Курской области. Во время допросов старший следователь Валуйской полиции И. П. Курчевский подвергал их истязаниям, а Борзенкову после одного из допросов и истязаний изнасиловал вместе с другим следователем полиции – Н. С. Аксеновым (Архив УФСБ России по Белгородской области. Ф. 12. Оп. 1. Д. 13140. Т. 22. Л. 186).

В целом практика взятия немецкими оккупационными властями гражданских лиц в заложники наиболее часто использовалась в тех районах Курской области, в которых наблюдалась активизация партизанского движения и антифашистских акций.

Из показаний бывшего старшего следователя Валуйской полиции И. Курчевского: «С нами проводили совещание бургомистр Руденко, жандармерия и требовали от нас, чтобы мы били арестованных плетками. Специальной карательной группы в полиции не было. Учета арестованных не было, любой полицейский мог привести кого-нибудь и сдать в тюрьму. Когда эти люди доставлялись, то у начальника тюрьмы было уже готовое обвинение каждому, эти люди не числились за жандармерией, и поэтому некоторых из них я отпускал, предварительно избивая плеткой, но материалы на них оформлял. Это я делал для того, чтобы обо мне не говорили, что я обхожусь мягко с арестованными. За такую лояльность расстреляли Магденко, Хаенко. Я оказался между двух огней. Мы знали о зверствах немцев, они бросали в колодцы женщин, стариков. Служить у немцев меня заставила трусость» (Архив УФСБ России по Белгородской области. АУД № 13132. Т. 8. Л. 38).

Итак, на примере Курской области нами были рассмотрены отдельные факты создания немецкими оккупационными властями городских и окружных тюремных учреждений. Несмотря на то что немецкая пропаганда открытие тюрем пыталась обосновать стремлением бороться с преступностью, основным их предназначением являлось подавление антифашистских настроений и партизанского движения, а также поддержание системы тотального террора и запугивания местного населения.

Основной персонал служащих данных учреждений был представлен лицами, наиболее враждебно настроенными к советской власти и готовыми собственными практическими действиями всячески выслужиться перед немецким оккупационным командованием. Не случайно подавляющее большинство из бывших служащих профашистских тюрем вызывали ненависть у местного населения. Данное обстоятельство оказало существенную помощь правоохранительным органам в деле розыска и привлечения к уголовной ответственности бывших активных пособников немецких оккупантов, судебные процессы в отношении которых на территории Курской и Белгородской областей продолжались вплоть до начала 1980-х годов.

Библиографический список

1. Александров К. М. Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований Комитета освобождения народов России. 1943–1946 : дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2016. 1145 с.
2. Валуйки / сост. Г. Ф. Денисенко [и др.]. Белгород, 1963. 52 с.
3. Коренюк Н. Трудно расстаться с мифами // Огонек. 1990. № 46. С. 29–31.
4. Коровин В. В. Организация сопротивления в тылу немецко-фашистских войск на территории областей Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны : дис. ... д-ра ист. наук. Курск, 2008. 636 с.
5. Никифоров С. А. Коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны на территории Курской области в контексте историографии // Известия Регионального финансово-экономического института. 2015. № 1(7).
6. Попов Г. Х. Вызываю дух генерала Власова. М., 2008. 214 с.
7. Шевелев А. В. Разведывательные, полицейские и пропагандистские формирования оккупационных властей на территории Курской области в годы Великой Отечественной войны : дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2004. 211 с.